

характеров. В каждом своем движении подкупающе убедителен лукаво-добро-

тельной све-
авесом боль-
аине колхоза.
смотреии ку-
альным рекви-
а киносьемка
Наурузов», ко-
ая студия по-
и таджикской
и искусства.

плотметричной
тины, да еще
душую, злобо-
ение радостное
орая доселе за-
ском кинохро-
фильма об аг-
трудностях в
то гладкой до-
артистические
и костях Теат
заняты под-
настроение у
ующего в соз-
и, бодрое, знер-

...изна в кино-
...не только
...на и особенно
...Помаксуровой
...и, застенчивой
...де на русский
...одая луна». С
...ностью отно-
...риса к своей
...что ее увидят
...лидо ближние
...лок, приводит
...сторж. что она,
...и, готова рабо-
...е особенно то-
...о съемка кар-
...вание Шепкин-
...целый год
...искусства!» —
...подумаю, до-

Тесная, непосредственная связь с жизнью, с процессами, происходящими в реальной действительности, может быть, самая примечательная черта в искусстве Таджикистана. Именно эта черта должна с особенной отчетливостью раскрыться в дни будущей таджикской декады весны 1957 года.

Стремления к решению главных, насущных вопросов жизни средствами искусства нельзя не ощутить в Театре имени Малюковского (главный режиссер В. Киявич). Именно этим хорошим стремлением объясняется упорная, непрекращающаяся в театре и познание,—хотя спектакль уже увидел огни рампы,— работа над пьесой местного автора Мухамеджана Рабиева «Добрая слава».

На сцене эта постановка покажется обнаруживать и слабость драматурга, и просчеты режиссуры (М. Назаров и А. Герр), и неготовность актерского воплощения, прежде всего в образе главного героя пьесы Азиза Садыхова. И тем не менее нельзя не верить, что хорошее упорство русского театра, ни за что не желавшего отказываться от изображения на сцене сегодняшней колхозной жизни, современной таджикской действительности, будет, несомненно, вознаграждено удачей.

Пьеса М. Рабиева, как я фильм о Наурузове, словно переносит нас сразу все то, что на самом деле существует нынче, и так близко от Сталинабада: показывает людей, которые собирают хлопок, радуются своим трудовым успехам, огорчаются поражениям, любят или впадают друг с другом...

Художник, формализмщик, — так Мухомов, к стати, поэт, — начал свои работы восходящей очень светло и жизнерадостной необычайной прелестью. Густой долины с ее обилием солнца и густой зелени, — достояние и в этой постановке немалое. Особенно в массовых сценах, где щедрость красок в костюмах, в обстановке, в изображении человеческого природы — может показаться, что Мухомов, к стати, никогда не бывалым в наших среднеазиатских республиках... Конечно, но, над спектаклем крыется еще очень много работать. Думается, спланировать и литературную обработку пьесы, литературную Об. Щеголова и отмеченную даже на Цифрах и в программах спектакля, нельзя считать завершенной: пьесы многосложны, и тут надо бы, чтобы сценарий, сценарий, изображением парторга колхозов Азиза Саидова. Он не только разлюбит чудесную женщину Мухомов, бригадирша дактиловодческой бригады, и решил жениться на Гульшан, приехавшей в колхоз в качестве агронома, но ко всему прочему еще и знаменит, утративший доверие колхозника. Азиз — восстановитель против всех людей, темные логики в его поведении: на первый план выступает откры-

ный австрийский прозаик Хартергер, сколько им старается артист М. Закруткин придать ему хоть какую-то видимость правдоподобия, носит явный отпечаток «заданности», а это неминуемо дает о себе знать во всех решающих сценах спектакля. И как ни приятны и интересны в роли молодых-новиков-таджиков артисты Н. Волчков, Н. Каюков, К. Ефименко, М. Ярцева, Е. Ноадрина, им трудно «вырваться» драматургически из верную лирику поведения Азия.

«Спасая» своего героя, М. За-
круткин наделяет его бешеным
темпераментом, задиристостью, не-
уживчивостью, во этом, пожалуй,
еще больше вредит ему: становит-
ся непонятно, как такого чело-
века могли избрать парторгом кол-
хоза, да еще добрым. А ведь этот

М. Закурткин гораздо убедительнее выглядит там, где показывает раздумье Саидова над жизнью, чем там, где его Саидов насканивает на людей, ссорится с ними, неистовствует, рычит. Но, подумав, поймем и актера! Что еще остается ему делать: надо ведь хоть чем-то объяснить поступки Азиза.

А надо бы вмешаться и режиссуре. И притом вмешаться как можно энергичнее! Пускай спектакль о сегодняшней жизни таджикского колхоза приобретет ценность не только в силу актуальной и нужной темы, но и благодаря мастерству постановочного коллектива, искусству актеров, главное — добротной драматургии!..

В Надиокальном таджикском драматическом театре П. Киямов поставил свою пьесу — музыкальный водеvil «Дил дили зайнаб» («Сердце сердцу весть подает»).

Несложная по замыслу, комедия привлекает какой-то хорошей добротой и ясностью нравов героев и ее ладностью, а организует народностью. Опять на сцене дворик юнкоская-любовская Хонназара, затененный от лучей солнца густым виноградным плетением, а далее — поля, пересеченные арками, снежная горная вершина, бездонное небо... Опять те же красивые, щедрые пейзажи (художник М. Мухин).

Дочка Холназара, веселая, неутомимая Кумри, совершает вереницу шалостей и проделок: девицу удается ловко свести к налаженному было стариками женитьбу брата, желатьбу не по любви, а по здравому рассуждению. Горная Кумри неистощима на выдумки и проказы. Они добиваются осуществления своих желаний: ее родители привносят право на чувство не только для Зартера, но и

Спектакль идет под неумолкающие взрывы смеха. Видно, что зрители очень нравятся все участники спектакля. А они, я правда, удивительно тепло, достоверно воссоздают на сцене правду окружающей жизни правду народных

теген лукаво-добро-
душный старик-колхозник в ис-
полнении А. Касимова. Видно,
что давно уж уступил бы Холма-
зар симпатиям и влечениям моло-
дежи, если бы не въядливая его
жена Гудыбы — С. Туйбаева.

Словно белка, подвижна, стремительна Кумри — Х. Назарова. Всем уловкам своей героини актриса придает какую-то бесовскую грациозность, обаяние; ужимки то по-детски бесхитростны, то по-девичьи кокетливы. Но за шалостями Кумри Х. Назарова видит хорошую душу молодой советской девушки-таджикки. Это придает всей пьесе некоторую значительность, хотя в целом пьеса пустячка, но пустячок веселый, очень светлый и солнечный.

Когда после спектакля я спросила в театре, будет ли «Дыл дили зайнаб» показан на декаде, все очень удивились:
— Конечно, нет!

— Почему «конечно»?
— Мы повезем на декаду спектакли крупные, значительные, — сказал главный режиссер театра Е. Мительман. — К показу на декаде готовятся «Саодат», «Дохунда»,

Странно было бы возмущаться против подобного репертуара. Не трюк ли это, что ни один из этих спектаклей не был поставлен в театре? Почему театр, собирающий толпы и показав на decade в Москве, пренебрег готовыми, проверенными «из зрителя» спектаклями. Можно было бы, например, повести в Москву «Ромео и Джульетту», «Любовь Яроуэну»... Вместо этого коллектив лихорадочно, с большим напряжением готовит новые постановки, чтобы прямо «из колес» показывать их на decade. Коллектив театра расстреливает не только средства, но и собственные силы, а потому «сложившись» он тут же «разваливается».

Спрашивается: зачем? Разве не должна в декаде отразиться жизнь народа в произведениях искусства, не споропелых, а действительно созревших, расквашенных, как хлопковая воробочка под солнцем Таджикистана? И пусть не будет на ней искусственного глянца, пусть будет она живой и теплой

Н. ТОЛЧЕНОВА,
спец. корр. «Советской культуры».
СТАЛИНАБАД
